Научная статья
DOI: 10.15393/j9.art.2026.17282
EDN: FUSKAE

Народные истоки образа Руси в творчестве А. А. Коринфского

А. В. Захаркин

Московский педагогический государственный университет (г. Москва, Российская Федерация)

e-mail: zaharkin2000@inbox.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию фольклорных истоков формирования и художественного воплощения образа Руси в творческом наследии А. А. Коринфского. Особое внимание уделено роли фольклора в художественном сознании эпохи рубежа XIX–XX вв., характеризующейся общественными противоречиями и переосмыслением национального культурного наследия. В статье рассмотрено место А. А. Коринфского в литературном и культурном процессе конца XIX — начала XX в. как собирателя, фольклориста, писателя и исследователя народной традиции. Определены биографические предпосылки формирования интереса собирателя к народному творчеству, раскрыто значение его собирательской деятельности, повлиявшей на становление его мировоззрения. Цель исследования заключается в изучении творчества А. А. Коринфского в контексте традиционной народной культуры и выявлении особенностей авторской концепции национального бытия. В статье определены ключевые идейно-тематические направления творческой деятельности фольклориста, поэта, писателя, исследователя. Рассмотрены особенности авторской поэтики, проявляющиеся в использовании фольклорных образов и мотивов, а также в исповедальности и диалогизме. Подчеркнуто своеобразие взаимодействия индивидуального авторского сознания с коллективным народным мировосприятием. Особое внимание уделено анализу образа народной Руси как воплощения национального идеала. В художественном мире А. А. Коринфского народ является носителем исторической памяти, нравственных ценностей и духовной силы. Особенности авторской концепции русского национального характера основаны на константах веры, терпения, смирения и трудолюбия. Обращение к фольклорному наследию и православной традиции выступает в творчестве А. А. Коринфского ключевым средством художественного осмысления национального самосознания, а также выявления духовно-нравственных основ народного бытия и быта в контексте социокультурных противоречий и мировоззренческих трансформаций рубежа XIX–XX вв.

Ключевые слова: А. А. Коринфский, традиция, фольклор, жанры, национальное самосознание, народ, рубеж веков, поэтика, диалогизм, историческая память

© А. В. Захаркин, 2026

Для цитирования: Захаркин А. В. Народные истоки образа Руси в творчестве А. А. Коринфского // Проблемы исторической поэтики. 2026. Т. 24. № 4. С. 328–352. DOI: 10.15393/j9.art.2026.17282. EDN: FUSKAE

Original article
DOI: 10.15393/j9.art.2026.17282
EDN: FUSKAE

The Folk Origins of the Image of Russia in the Works of A. A. Korinfsky

Aleksandr V. Zakharkin

Moscow Pedagogical State University
(Moscow, Russian Federation)

e-mail: zaharkin2000@inbox.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the folklore origins of the formation and artistic embodiment of the image of Russia in the creative legacy of A. A. Korinfsky. Special attention is paid to the role of folklore in the artistic consciousness of the epoch at the turn of the 19th–20th centuries, characterized by social contradictions and a reevaluation of the national cultural heritage. The article examines A. A. Korinfsky's place in the literary and cultural process of the late 19th and early 20th centuries as a collector, folklorist, writer and researcher of the folk tradition. The biographical prerequisites for the formation of the collector's interest in folk art are identified, and the significance of his collecting activities, which influenced the formation of his worldview, is revealed. The aim of the study is to examine A. A. Korinfsky's work in the context of traditional folk culture and to identify the features of the author's concept of national existence. The article identifies the key ideological and thematic directions of the creative work of the folklorist, poet, writer, and researcher. The features of the author's poetics are examined, manifested in the use of folklore images and motifs, as well as in confessionalism and dialogism. The uniqueness of the interaction between individual authorial consciousness and the collective folk worldview is emphasized. Special attention is paid to the analysis of the image of national Russia as the embodiment of the national ideal. In A. A. Korinfsky's artistic world, the people are the bearers of historical memory, moral values, and spiritual strength. The distinctive features of the author's concept of the Russian national character are based on the constants of faith, patience, humility, and diligence. In A. A. Korinfsky's work, an appeal to the folk heritage and the Orthodox tradition serves as a key means of artistically interpreting national self-awareness, as well as revealing the spiritual and moral foundations of the people's way of life and everyday existence in the context of sociocultural contradictions and worldview transformations at the turn of the 19th and 20th centuries.

Keywords: Apollon Korinfsky, tradition, folklore, genres, national identity, folk, turn of the century, poetics, dialogism, historical memory

For citation: Zakharkin A. V. The Folk Origins of the Image of Russia in the Works of A. A. Korinfsky. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*], 2026, vol. 24, no. 4, pp. 328–352. DOI: 10.15393/j9.art.2026.17282. EDN: FUSKAE (In Russ.)

Слово сказаний живых,
Мощное, вечное слово —
Светлый, кипучий родник,
Кладезь богатства родного!..

А. А. Коринфский

Творческая деятельность А. А. Коринфского разворачивалась в переломную эпоху рубежа XIX–XX вв. — во времена активного переосмысления национального наследия и поиска духовных оснований современности. Диалог с традицией становится основой художественного сознания и мира представителей различных видов искусства: писателей, художников, музыкантов. Обращение к фольклору и национальным традициям нашло отражение в судьбах многих деятелей русской культуры, раскрывших удивительный мир народной философии и поэзии.

В истории русской культуры рубежи веков нередко сопровождались масштабными преобразованиями, оказывавшими существенное влияние на общественное сознание.

Рубеж XVI–XVII вв. был ознаменован Смутным временем — драматическим этапом отечественной истории, сопровождавшимся политической нестабильностью, социальными потрясениями и кризисом государственной власти. Переход от XVII к XVIII столетию связан с масштабными преобразованиями эпохи Петра I, которые затронули множество сфер общественной жизни и обусловили кардинальные изменения в развитии России. Рубеж XVIII–XIX вв. и последовавшая Отечественная война 1812 г. стали важными факторами формирования национального самосознания. Особое значение для отечественной культуры имела эпоха рубежа XIX–XX столетий, характеризовавшаяся интенсивными противоречиями, революционными событиями, Русско-японской войной 1904–1905 гг., Первой мировой войной и последовавшими политическими потрясениями. Каждый рубеж веков

характеризуется своими особенностями. Это не просто хронологический период, а сложный комплекс настроений, идей и художественных практик, связанных с переживанием завершения исторической эпохи и ожиданием перемен.

Рубеж XIX–XX вв. неслучайно получил общепринятое французское наименование *fin de siècle* («*конец века*»). Этим термином исследователи не только обозначают хронологический период, но и характеризуют с его помощью определенный тип мировосприятия, сформировавшегося в условиях социальных, политических, исторических и духовных перемен [Schorske], [Богомолов]. Для отдельных представителей интеллигенции этой эпохи характерны упаднические, пессимистические настроения; пренебрежение общественной жизнью, моралью, прежними ценностями; ощущение кризиса культуры и утраты ориентиров [Рафалюк].

В этот переломный период литературные деятели стремятся осмыслить происходящее, задумываются о грядущих изменениях и потрясениях, пытаются найти духовную опору. Культура рубежа веков становится пространством активной рефлексии. Исследователь русской общественной мысли и культуры С. С. Дмитриев справедливо отмечает, что эта эпоха была наполнена глубокими противоречиями, сложными духовными, многотрудными исканиями: «Тягостными, сумбурными, раздираемыми кричащими противоречиями были общественные настроения этого последнего десятилетия…» [Дмитриев: 29]. Рубеж XIX–XX вв. сопровождался эсхатологическими настроениями, возникновением новых идей и концепций.

Вместе с тем этот период исследователи нередко называют *Belle Époque* («*прекрасная эпоха*»), подчеркивая развитие искусства, науки, общественной мысли, их устремленность в будущее [Kalifa]. Несмотря на характерные для данной эпохи кризисные настроения и ощущения, рубеж XIX–XX столетий отличается богатством художественных поисков и стремлением к обновлению, что также нашло отражение в творческих исканиях деятелей эпохи (см., напр.: [Тахо-Годи], [Сапожков], [Федотов]).

Одним из важнейших источников такого обновления становятся *фольклор* и *народное наследие*. Интерес к народной культуре не был явлением, возникшим на рубеже XIX–XX вв. Фольклор к этому времени уже занимал важное место в русской литературе и искусстве (А. П. Сумароков, М. Д. Чулков, В. А. Левшин, А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, Н. М. Языков, А. Н. Островский, Н. А. Некрасов и многие другие). Русская литература формировалась в тесном взаимодействии с фольклорной традицией. На рубеже XIX–XX вв. интерес к фольклору приобретает иной характер: народное творчество начинает восприниматься не только как важнейшая составляющая национальной традиции, но и как источник новых художественных принципов, образов. Фольклор становится объектом творческого эксперимента[1].

Повышенное внимание к народу и его творческому наследию становится одной из характерных черт культуры рассматриваемой эпохи. Фольклорные мотивы, образы и сюжеты активно осваиваются представителями различных видов искусства. В музыке обращение к народной традиции получило яркое воплощение в произведениях И. Ф. Стравинского, Н. А. Римского-Корсакова, в живописи — в творчестве К. Малевича, Б. М. Кустодиева, в театральном искусстве — в постановочных экспериментах В. Э. Мейерхольда.

В результате взаимодействия различных художественных практик и народной традиции формируются новые формы искусства, в которых фольклор становится средством художественного переосмысления действительности и национальной культуры (см., напр.: [Полонский], [Самоделова], [Абашева]).

Аполлон Аполлонович Коринфский (1867 [1868][2]–1937) — характерный представитель эпохи, занимающий заметное место в истории изучения русской народной культуры конца XIX — начала XX в. Его творческие искания тесно связаны с исследованием духовного наследия русского народа, отразившегося в различных жанрах устного народного творчества.

[1] См.: Бальмонт К. Д. Жар-птица. Свирель славянина. М.: Скорпион, 1907. 234 с.; Белый А. Пепел: стихи. СПб.: Шиповник, 1909. 244 с.

[2] Датировка рождения А. А. Коринфского нуждается в дополнительном исследовании в связи с разночтениями в прижизненных и последующих изданиях.

Деятельность Коринфского разворачивалась в период повышенного интереса общества к фольклору как главному источнику информации о народном быте и бытии [Аничков], [Блок].

Критик П. Ф. Якубович отмечал: «Во второй половине восьмидесятых годов существовало несколько модных увлечений. Едва ли не главным из таких увлечений был в известных слоях прессы и публики подъем "национального чувства". <…> Вот в эту-то горделивую полосу нашего "общественного сознания» <…> и расцвели на поле русской поэзии "черные розы" г. Аполлона Коринфского, с первых же шагов начавшего *петь в народном духе, народным слогом и складом*» (здесь и далее в цитатах курсив наш. — *А. З.*) [Якубович: 317].

Формирование исследовательских интересов Коринфского обусловлено его ранним знакомством с традиционной крестьянской средой, народной культурой. С детства будущий фольклорист пристально наблюдал за народным календарем, особенностями сельского быта, ритмом народной жизни и фиксировал все в своих тетрадях:

> «С юношеских лет стали наполняться одна за другой мои записные тетради — то пословицами, поговорками и ходячими народными словами, то отрывками деревенских песен, то содержанием подслушанных сказок» (*Коринфский, 2011*: 34).

Впечатления, полученные в раннем возрасте, оказали значительное влияние на его дальнейшую деятельность.

После отчисления из гимназии за «чтение недозволенных книг и знакомство с политическими ссыльными» [Буторов: 11] Коринфский полностью посвятил себя изучению народной жизни и фольклорного наследия различных регионов России. Он совершил множество поездок: объехал и обошел приволжские и заволжские территории, посетил деревни и села, собрав образцы устного народного творчества и записав обряды и тексты календарной поэзии, духовных стихов, преданий, сказаний и др. Его собирательская деятельность была направлена на *фиксацию живой народной традиции* («слово сказаний живых»), за которой он наблюдал, записывая народные тексты.

Особое значение в его биографии имели экспедиции в Смоленскую, Симбирскую, Казанскую, Олонецкую, Нижегородскую губернии. В ходе этих поездок он не только собирал фольклорный материал, но и стремился глубже понять мировоззрение народа, особенности его духовной культуры и исторической памяти. Впоследствии исследователь подчеркивал особую роль поволжского региона в формировании своего интереса к народному творчеству:

> «Волгу я изъездил вдоль и поперек, на берегах ее провел детство, юность и раннюю молодость, поставившие меня лицом к лицу с народной жизнью, объявшей меня неотразимым дуновением самобытной поэзии ярких преданий прошлого» (*Коринфский, 2011*: 34).

Изучение народоведения оказало значительное влияние на формирование мировоззрения Коринфского, определив основные направления его дальнейшей научной и творческой деятельности. Обращение к фольклорному материалу было вызвано у него не только исследовательским интересом, но и важнейшей духовной потребностью. Знакомство с миром народного творчества способствовало осмыслению поэтом национальных культурных традиций, которые, по его мнению, необходимо было сохранить для последующих поколений. В этом стремлении он разделял взгляды плеяды предшествующих фольклористов. Коринфский не только изучил, но и сохранил для потомков богатство народной поэзии и самобытность внутреннего мира старинной русской культуры.

Современники видели успехи и заинтересованность собирателя фольклора. В письме от 7 сентября 1895 г. И. А. Бунин подчеркнул творческую самостоятельность Коринфского и порекомендовал ему продолжать работу в избранном направлении:

> «Вам везет, Аполлон Аполлонович, и пользуйтесь этим — Вам нужно работать, потому что это Ваша сфера, говорю серьезно и искренно, именно сфера, потому что Вы свободны в ней»[3].

[3] Бунин И. А. Письма 1895–1904 годов / под общ. ред. О. Н. Михайлова. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 207.

Как было отмечено, будучи тесно связанным с крестьянской средой с ранних лет, Коринфский на протяжении всей жизни сохранял глубокое уважение к русскому народу и его традициям. В народной жизни он видел воплощение трудолюбия, нравственной стойкости, духовной преемственности поколений, бережного и трепетного отношения к народному наследию. Особое внимание исследователь уделял способности народа сохранять и передавать культурные ценности из поколения в поколение, обеспечивая тем самым непрерывность национальной традиции.

Центральное место в наследии Коринфского занимает его фундаментальный труд «Народная Русь: Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа», опубликованный в 1901 г. Книга стала итогом его многолетней собирательской и исследовательской деятельности. Сборник очерков представляет уникальное явление: автор синтезирует разнообразные аутентичные жанры фольклора, этнографические описания и материалы по русской традиционной культуре. В системе очерков Коринфский раскрывает особенности национального характера русского народа, его мировоззренческие установки, духовно-нравственные ценности. Автор создает обобщенный образ народной Руси, в основе которого лежит представление о русском человеке как о носителе особой духовной силы. Сквозной идеей сборника становится мысль о том, что русский народ обладает исключительной нравственной стойкостью и внутренней цельностью. Коринфский формирует аксиому: русский народ — это богатырь духа, для которого характерны высокий уровень духовности и приверженность традициям. Именно *традиция*, рассматриваемая как важнейший механизм сохранения национальной идентичности, раскрывает особенности национального характера и жизненного уклада народа. В основе созданного автором образа находится глубокая привязанность и любовь к родной культуре.

В творческом наследии Коринфского можно выделить ряд ключевых тематических направлений, определяющих идейно-художественное содержание его произведений: вера в Бога, осмысление народных традиций, патриотизм, изображение

крестьянской доли. В его творчестве находят отражение представления о духовных основах национального бытия, исторической судьбе России (Святой Руси) и нравственных ценностях народа. Важное место занимает патриотическое начало. Символическим свидетельством его особой значимости в художественном мировоззрении поэта служат строки, посвященные родной ниве:

«Нива родная! Красуйся, цвети,
Будь колыбелью гиганту-народу,
Новых сынов богатырских рости,
Верой и правдой венчая свободу!»
(*Коринфский, 1909а*: 10).

Эти темы пронизывали и устное народное творчество, которое поэт записывал и изучал.

Художественный мир Коринфского формируется на пересечении индивидуального авторского восприятия и народной культурной традиции. Поэт стремится создать в своем творчестве целостную картину национальной жизни, в которой личное мироощущение органично сочетается с народным мировоззрением, воплощенным в фольклоре. Его творчество представляет своеобразный синтез авторского и народного.

Особое место в его произведениях занимает *образ Руси*, являющейся воплощением народного идеала. В стихотворении «О, Русь крестьянская!» уже с первых строк лирический герой подчеркивает неразрывную связь с народом:

«*О, Русь крестьянская*! С тобой *я кровно связан*:
Мой *прадед-пахарь* в душу мне вложил,
Как заповедный клад, зерно заветных сил.
Я — всем тебе обязан!»
(*Коринфский, 1912*: 278).

Эта связь осмысляется не только как социальная и культурная, но и как родовая, наследственная. Упоминание «прадеда-пахаря», вложившего в душу поэта «зерно заветных сил» символизирует преемственность поколений и передачу духовных ценностей народа от предков к потомкам. Народное происхождение становится для лирического героя и для самого автора источником нравственной устойчивости и жизненной

опоры. Дед А. А. Коринфского, М. П. Варенцов, был выходцем из крестьянской среды и впоследствии получил дворянский титул. Семейное предание способствовало осознанию неразрывной связи личной судьбы с судьбой народа. Лирический герой воспринимает радости и страдания Руси как собственные:

«Больна *твоя мне боль*, все *радости твои*
Мне сердце радуют — как добрая примета.
Иду *твоим путем*, с тобой рвусь к правде Света
Твои надежды все — *м о и*!»
(*Коринфский, 1912*: 278).

Эта взаимосвязь подчеркивает понимание Коринфским народности как духовной сопричастности. Поэт разделяет народные надежды, стремления, предназначение и путь к правде. Народ для Коринфского — мощная сила, способная, благодаря вере в Бога, преодолеть испытания и сохранить жизнеспособность в любые времена:

«Твой голос мне звучит *могучим, гулким звоном*;
В нем весть мне слышится, что *крепнет и растет*,
В тебе былая мощь…».
(*Коринфский, 1912*: 278).

Уподобляя голос народа колоколу («могучий, гулкий звон»), Коринфский наделяет его символическим значением: колокол не только созывает людей к молитве, но и возвещает о важнейших событиях народной и государственной жизни, объединяя всех в моменты радости, скорби или исторических испытаний. Народный голос приобретает в стихотворении общенациональный масштаб, становясь символом духовного единства. Этот образ перекликается с известными строками стихотворения М. Ю. Лермонтова, посвященного памяти А. С. Пушкина:

«Твой стих, как Божий дух, носился над толпой
И, отзыв мыслей благородных,
Звучал, как колокол на башне вечевой,
Во дни торжеств и бед народных»[4].

[4] Лермонтов М. Ю. Стихотворения. СПб.: Тип. т-ва «Худож. печ.», 1913. С. 20. (Сер.: Собрание сочинений для детей.)

В обоих случаях колокольный звон становится символом «гласа народа» и выражением коллективности. Если у Лермонтова сравнение с вечевым колоколом подчеркивает общественную значимость поэта, чье слово отзывалось на важнейшие события народной жизни, то у Коринфского сам народ является носителем этого могучего голоса. Колокол символизирует голос не отдельной личности, а всей народной Руси: в нем сосредоточены историческая память, духовный опыт и благая весть — надежда на возрождение. Лирический герой слышит в народном голосе весть о том, что сила «крепнет и растет». Этот голос связан уже не с мотивами упадка и пессимизма, характерными для *fin de siècle*, а, напротив, с ожиданием обновления. Народ воспринимается как носитель жизненной энергии, способный преодолеть любые испытания и трудности, сохранив свою внутреннюю мощь. «Былая мощь» подчеркивает преемственность: духовная сила не исчезла, а продолжает существовать в национальном сознании, ожидая своего нового воплощения.

Религиозная составляющая стихотворения приобретает особое значение:

> «Я — т в о й, всегда, во всем… Тобою я горжусь,
> *Русь-Богоносица, страдалица святая…*».
> (*Коринфский, 1912*: 278).

Называя Русь «Богоносицей» и «святой страдалицей», Коринфский обращается к традиционной для русского общества идее об особой духовной миссии русского народа. В его интерпретации Русь, носительница высоких нравственных и религиозных идеалов, сохраняет верность своему духовному пути («правда Света»). Подобное восприятие России было характерно для многих представителей культуры рубежа XIX–XX вв., однако каждый автор создает собственную художественную модель национального бытия. В стихотворении А. А. Блока «Россия» (1908) возникает образ «плата узорного до бровей». Для Блока важнейшими оказываются мотивы загадочности и непостижимости национального характера, а также вера в скрытые духовные силы. В стихотворении С. А. Есенина «Гой ты, Русь, моя родная…» (1914)

образ России неразрывно связан с православной традицией, природой и крестьянским миром. Несмотря на различие художественных систем, авторов объединяет интерес к судьбе Родины, стремление понять ее предназначение.

Коринфский занимает особую позицию: если у многих поэтов эпохи образ России становится объектом созерцания, размышления или переживания, то у него отношения между лирическим героем и Родиной носят характер диалога. Поэт обращается к ней как к собеседнику:

«Живи в веках, живи! На подвиги дерзая,
Неси свой крест, родная Русь!»
(*Коринфский, 1912*: 278).

Форма прямого обращения создает интонацию благословения и молитвы. Повторяющийся лейтмотивом призыв «живи в веках, живи!» не только усиливает эмоциональное звучание стихотворения, но и сближает его с поэтикой народных заклинаний и заговоров. Такая диалогичность составляет одну из важных особенностей мира Коринфского и отличает его восприятие Родины от других интерпретаций образа России в литературе рубежа XIX–XX вв.

Финал стихотворения («неси свой крест») отсылает к христианской символике страдания, жертвенности и нравственного подвига. Святая Русь Коринфского призвана пройти через испытания ради сохранения своих духовных ценностей, традиций и исторического предназначения.

Важной особенностью художественного мира Коринфского является отчетливо проявляющееся исповедальное начало. Предельная искренность авторского высказывания, стремление к открытому выражению личных чувств, убеждений и духовных переживаний становятся одной из доминант его творчества. Исповедальность проявляется в глубокой вовлеченности в изображаемое. Размышления о народной культуре, вере, предназначении народа и нравственных ценностях приобретают личностное звучание.

Образ Руси неразрывно связан с образом народа, прежде всего крестьянства. Земля и народ образуют единое смысловое целое: крестьянский труд воспринимается не только как

хозяйственная деятельность, но и как важнейшая форма духовного служения родной земле. Именно поэтому одной из центральных тем творчества Коринфского становится изображение тяжелой крестьянской доли и многовековых страданий:

«Чудится: *кто-то* над волнами ржи
Стонет пронзительным голосом…
Слышится ропот тревоги больной,
Слышатся *слезы смирения*;
Это — рыдает над нивой родной
Гений труда и терпения!..»

(*Коринфский,* 1894: 135).

В этих строках стихотворения «В полях» поэт использует важный для сознания русского народа образ гения. Согласно определению В. И. Даля, гений понимается как «незримый, бесплотный дух», «дух-покровитель человека», а также как воплощение высшего творческого начала и созидательной силы личности [Даль: 348]. В этом толковании синтезируются как античные представления о гении-покровителе, сопровождающем человека на протяжении всей жизни, хранителе рода или определенного места (genius loci), так и более поздние представления о гении как о высшем духовном даре и творческой энергии, незримо присутствующих в окружающем мире.

Образ, созданный Коринфским, оказывается ближе к древнему значению. В стихотворении Коринфского «гений труда и терпения» выступает именно таким духом-покровителем народной жизни, неразрывно связанным с крестьянским трудом и русской землей.

«Стонет» не определенный человек, а кто-то. Подобное обезличивание необходимо не только для выражения глубокого сочувствия тяжелой доле народа, но и с целью подчеркнуть его нравственное величие и единство. В данном контексте подчеркивается соборное начало, осмысляемое в русле предложенной И. А. Есауловым концепции соборности как одной из ключевых категорий православной традиции и русской литературной поэтики [Есаулов]. Незримый дух разделяет страдания всех тружеников-земледельцев. Речь идет не о гении отдельного человека, а о гении самого народа,

проявляющегося в способности сохранять трудолюбие, стойкость и смирение перед жизненными испытаниями. Труд и терпение в совокупности составляют основу национального характера. Метафора «гений труда и терпения» становится символическим выражением духовной сущности русского народа.

Прием олицетворения позволяет придать страданиям народа обобщенный характер: плач над нивой выражает многовековую историю народа, наполненную лишениями и тяжелым физическим трудом. Эмоционально окрашенная лексика (стонет, ропот тревоги, слезы смирения, рыдает) усиливает трагическое звучание и подчеркивает сочувственное отношение автора к судьбе простого народа. Для Коринфского русский крестьянин — это воплощение таланта, труда и терпения.

Вместе с изображением тяжелой доли подчеркивается жизненная энергия народа. Коринфский сближает крестьянский труд с ратным подвигом («рабочая рать могучая»):

«Солнце красное *сыплет над грудью земли*,
Над *рабочею ратью могучею*,
Золотые снопы искрометных лучей,
Ни на миг не скрываясь за тучею…»
(*Коринфский, 1894*: 136).

Для Коринфского характерно восприятие крестьянского труда как основы национальной жизни и важнейшего источника духовной силы.

Особое значение приобретает образ женской песни. Появление женского голоса не случайно. Традиционно именно женщины принимали участие в полевых работах. Трудовые песни сопровождали сельскохозяйственный цикл, помогая организовывать коллективный труд и одновременно выражая эмоциональное состояние народа. Женская песня становится символом народной культуры, связанной с земледелием.

В стихотворении природа оказывается олицетворенной — «улыбающееся» солнце сыплет золотые лучи над «грудью земли»:

«Улыбается солнце… До ясных небес,
С нивы песня доносится *женская*,

Улыбается солнце и шепчет без слов:
"Исполать тебе, *мощь деревенская*!.."»
(*Коринфский, 1894*: 136).

Символическими становятся мифологические образы солнца, благословляющего трудящихся и выступающего своеобразным свидетелем их повседневного подвига, и земли, рождающей урожай. В результате возникает образ всеобщего творческого начала. Народная песня, звучащая над нивой, дополняет картину гармонического единства природы, человека и труда.

Подобное понимание роли крестьянства Коринфским близко размышлениям К. Д. Бальмонта в стихотворении «Слава крестьянину» (1917):

«Созвучья первых русских песен
Сложил крестьянин, а не князь.
И пусть удел крестьянский тесен,
Народ хранит с землею связь»[5].

Поэт подчеркивает, что истоки русской поэзии находятся не в аристократической среде, а в народном творчестве. Именно крестьянин становится хранителем национальной памяти и носителем культурной традиции. Образ песни соединяет судьбы поэта и народа. Если Бальмонт лишь указывает на происхождение народной поэзии из крестьянской среды, то Коринфский показывает сам процесс ее рождения: возникая во время трудовой деятельности, женская песня звучит на ниве и органично вплетается в ритм народной жизни.

Важнейшими чертами русского национального характера Коринфский считает терпение и смирение. В отличие от М. П. Погодина, сводившего эти понятия к «безусловной покорности и равнодушию»[6], он трактует их иначе. Своим творчеством Коринфский иллюстрирует, что в споре о национальном характере он разделяет мнение П. В. Киреевского, не согласного с тезисом о покорности русского народа:

[5] Бальмонт К. Д. Избранное / сост., вступ. ст. и примеч. Е. В. Ивановой. М.: Сов. Россия, 1989. С. 469.

[6] Погодин М. П. Параллель русской истории с историей западных европейских государств, относительно начала // Москвитянин. 1845. Ч. 1. № 1. С. 16.

«Это был бы народ, лишенный всякой духовной силы, всякого человеческого достоинства, отверженный Богом; из его среды не могло бы никогда выйти ничего великого»[7].

Для Коринфского терпение и смирение — это не проявление пассивности или покорности обстоятельствам, а нравственная сила народа, сформированная многовековым опытом и православной традицией. Смирение — одна из основополагающих христианских добродетелей, предполагающая духовную стойкость и способность переносить жизненные испытания:

«Я вижу эту Русь могучего простора —
В *смирении своем великую всегда*,
Русь — непонятную для чуждого ей взора,
Русь подвига, скорбей, терпенья и труда…»
(*Коринфский, 1909b*: 11).

В стихотворении «Святая Русь» Коринфский создает обобщенный образ Родины, который основан на синтезе религиозного, национального и нравственного начал. Для поэта истинное величие народа заключается в способности сохранять духовное единство. Русский национальный духовный опыт уникален: он непостижим «для чуждого взора» и не понятен извне. Для Коринфского важен нравственный мир, основанный на вере, терпении и жертвенном служении:

«О, Русь народная!.. Русь *дум святых и строгих*!
Русь — *мудрая в своей глубокой старине*!..
Влечет меня к тебе — под *сень крестов* убогих,
И *правнук пахарей* заводит речь во мне…»
(*Коринфский, 1909b*: 12).

Народная культура как источник мудрости и знаний пронизывает все произведения Коринфского. Русь становится хранительницей этой мудрости, накопленной многими поколениями. Мировоззрение русского народа основано на высоких нравственных принципах и религиозных ценностях. С помощью мотива родовой памяти Коринфский подчеркивает принадлежность лирического героя к крестьянскому миру и определяет его как продолжателя вековых традиций.

[7] Киреевский П. В. О древней русской истории (письмо к М. П. Погодину) // Москвитянин. 1845. Ч. 2. № 3. С. 14.

Фольклор дает *чувство причастности* к народу, традициям, ценностям. Синтез авторского и народного преломляется в произведении: личный голос поэта выражает коллективное сознание и историческую память. Образ «убогих крестов» восходит к традиционному для русской культуры представлению о сельском кладбище (погосте) как пространстве исторической и духовной памяти народа. Кресты символизируют диалог с предками, единство разных поколений. Поэт подчеркивает преемственность поколений. Лирический герой осознает себя продолжателем памяти праотцов («правнук пахарей заводит речь во мне»). Предки живут согласно народным традициям, нравственным ценностям, передаваемым из поколения в поколение.

Вера в Бога занимает центральное место в творчестве Коринфского. Православие рассматривается поэтом как важнейшая основа национального самосознания и стержневой элемент русской идентичности. Через православную традицию раскрываются духовные истоки русской культуры, представления о смирении, терпении, нравственном долге. Бог выступает как источник человеческой жизни и духовной силы:

«*Присутствие Бога мне слышно*
Повсюду, всегда и во всем —
И темной<,> ненастною ночью,
И светлым, ликующим днем,
В дыханьи рокочущей бури,
В затишьи зеленых ветвей,
В зловещих громовых раскатах,
И в трелях твоих, соловей!»

(*Коринфский, 1912*: 351).

Окружающий мир воспринимается лирическим героем как пространство непрерывного проявления Божественной силы и воли. Противопоставляя «темную, ненастную ночь» и «светлый, ликующий день», «рокочущую бурю» и «затишье ветвей», «громовые раскаты» и «соловьиные трели», поэт создает гармоничную картину мироздания, в котором Бог присутствует как в грозных разрушительных проявлениях природной стихии, так и в ее умиротворенных состояниях.

Подобное восприятие мира восходит к народным представлениям о природе как свидетельстве Божественного замысла и премудрости Творца.

Для Коринфского важным является ощущение присутствия Создателя. Человек способен чувствовать Божественное начало не только в окружающей среде, но и в собственной душе:

«Забьет-ли угрюмая совесть
Нежданно тревогу свою —
Я чувствую: *Бог осеняет*
Невидимо душу мою…»

(*Коринфский, 1912*: 351).

В художественном мире поэта важное место занимает представление о неразрывной связи человека с Богом, раскрывающееся с помощью образа сердца, озаренного верой и любовью:

«Зажжется-ли сердце любовью —
Я знаю: *Бог в сердце моем…*
Присутствие Божие внятно
Мне всюду, всегда и во всем»

(*Коринфский, 1912*: 351).

Любовь воспринимается как высшее проявление Божественной благодати. Коринфский показывает, что внутреннее единство человека с Богом, духовное общение с Творцом осуществляются через искреннюю веру.

Тема православной веры отражена и в стихотворениях Коринфского для детей. Обращаясь к юным читателям, поэт стремится познакомить их с основами христианской культуры, важнейшими религиозными праздниками и духовными ценностями. Высокие и трудные темы раскрываются в доступной художественной форме, отличающейся легкостью восприятия, эмоциональной выразительностью и яркой образностью:

«А вчера, в *глухую полночь* —
В ночь без звезд и без луны,
Полился к усадьбе нашей
Из *безмолвной тишины*,
С колокольни, *звон пасхальный*
И святую весть принес —

Весть, что с красною весною
В эту ночь воскрес Христос!..»
(*Коринфский, 1896*: 15).

В стихотворении «Христос Воскресе!..» поэт передает суть православной традиции через понятные картины природы, семейного быта, праздничной атмосферы. Поэт связывает Пасху с природным циклом: Христово Воскресение соотносится с наступлением весны: «…с красною весною / В эту ночь воскрес Христос!..» (*Коринфский, 1896*: 15). Данное сопоставление отражает характерное для народного православного сознания восприятие Пасхи как праздника обновления, торжества жизни и победы Света над тьмой. Коринфский синтезирует христианские и фольклорные представления о мире. Важной особенностью стихотворения является музыкальность. Звуковая организация текста воспроизводит ощущение пасхального колокольного звона, раздающегося в ночной тишине.

Легкость и музыкальность стихов подчеркивал и П. Ф. Якубович: «Пишет г. Коринфский <…> довольно звучным и легким стихом, с безупречно гармонирующими рифмами…» [Якубович: 316].

Религиозность Коринфского и его приверженность традиционным духовным ценностям нередко становились предметом критики со стороны современников. Подобное отношение во многом объясняется особенностями культурной атмосферы рубежа XIX–XX вв. Кризис прежних мировоззренческих оснований, характерный для культуры *fin de siècle*, проявлялся в апостасийности, отступничестве от веры, атеизме, борьбе с традиционными духовными ценностями. Характеристика творчества Коринфского, данная И. А. Буниным, иронична:

> «Истинная страсть к своему искусству, многописание, вечная и уже искренняя, ставшая второй натурой, жизнь в каком-то *ложно-русском древнем стиле*. Дома всегда в красной косоворотке, подпоясанный зеленым жгутом с низко висящими кистями. *Очень религиозен,* в квартирке бедной и всегда тепло-сырой, всегда горит лампадка, и это опять как-то хорошо, пошло связывается с его иконописностью, с его лицом Христосика, с его бородкой (которая светлее, русее, чем волосы на голове.)» [Муромцева-Бунина: 68].

Это свидетельствует о негативном восприятии Буниным религиозности Коринфского. В отличие от многих представителей своей эпохи, Коринфский не отрекся от православной традиции в угоду новым веяниям и сохранил верность нравственным идеалам, что определило его мировоззрение и художественную систему. Обращение к традиционным основам не поощрялось отдельными критиками и советской властью. В дальнейшем верность убеждениям существенно осложнила положение Коринфского и ограничила его возможности творческой самореализации, а также участие в литературном процессе.

Творческое наследие А. А. Коринфского тесно связано с народной культурой, фольклорной традицией и православным мировоззрением. Собиратель, исследователь фольклора, поэт сохранил для последующих поколений богатый материал о культуре народа. Искренний интерес к фольклору, глубокое знание народной жизни и традиций способствовали его успеху у читателей. Творчество поэта находило отклик у тех, кто рассматривал фольклор как средство сохранения культурной памяти и выражения национального самосознания. Деятельность Коринфского способствовала осмыслению традиций и народного наследия.

Для каждой эпохи рубежа веков характерен собственный способ осмысления культурной традиции, обусловленный историческими событиями, мировоззренческими установками и эстетическими поисками времени. Диалог с прошлым приобретает особую значимость в такие периоды. Именно в условиях трансформации установок и переосмысления ценностей возрастает потребность в поиске духовных основ, способных обеспечить устойчивость национального бытия. Характер обращения к традиции у каждого автора индивидуален: он определяется личным опытом и спецификой художественного мировоззрения. На рубеже XIX–XX вв., во время разрушения жизненных устоев, в эпоху глубоких общественных противоречий, в период утраты привычных ориентиров Коринфский, как и многие представители русской культуры, стремился найти духовную опору, способную придать смысл происходящим переменам. Его творчество отражает попытку осмыслить кризисные явления и противоречия современности.

Если одна часть современников искала пути преодоления кризиса в обращении к будущему и идеям общественного переустройства, а другая видела духовную опору в идеализации прошлого, то Коринфский находил спасение в Боге и в народе. Он не был отступником от веры и с этих позиций характеризовал в своих произведениях народные обычаи, обряды и творчество как формы проявления духовного опыта, отражающие многовековую связь с православной традицией. Идейно-художественная система Коринфского основывается на вере в Бога и народных воззрениях. Эта система расширяется за счет диалогизма народного и авторского сознаний. Народная культура и мировосприятие становятся для Коринфского не объектом внешнего наблюдения, а частью его собственной жизни и опыта.

Список сокращений

Коринфский, 1894 — Коринфский А. А. Песни сердца. Стихотворения (1889–1893). М.: Изд. М. В. Клюкина, 1894. 395 с.

Коринфский, 1896 — Коринфский А. А. На ранней зорьке: сб. стихотворений для детей. СПб.: Изд. М. В. Клюкина, 1896. 132 с.

Коринфский, 1909a — Коринфский А. А. Песни о хлебе: Думы, картины, легенды. М.: Т-во. И. Д. Сытина, 1909. 142 с.

Коринфский, 1909b — Коринфский А. А. Под крестною ношей. Стихотворения 1905–1908 гг. СПб.: Типо-лит. К. Л. Пентковского, 1909. 414 с.

Коринфский, 1912 — Коринфский А. А. Поздние огни. Стихотворения 1908–1911 гг. СПб.: Изд. А. А. Филиппова, 1912. 736 с.

Коринфский, 2011 — Коринфский А. А. Народная Русь: Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа / сост. А. В. Буторов. М.: АСТ: Астрель, 2011. 734 с.

Список литературы

1. Абашева Д. В. Мотив горы в творчестве Марины Цветаевой // Горы и ландшафт Земли в художественной картине мира. М.: Зерцало-М; МГПУ, 2026. С. 172–179.
2. Аничков Е. В. Весенняя обрядовая песня на Западе и у славян: в 2 ч. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1903–1905.
3. Блок А. А. Поэзия заговоров и заклинаний // История русской литературы / под ред. Е. В. Аничкова, А. К. Бороздина, Д. Н. Овсянико-Куликовского. М.: Т-во И. Д. Сытина и т-во «Мир», 1908. Т. 1. Вып. 1. С. 81–106.

4. Богомолов Н. А. Разыскания в области русской литературы XX века. От fin de siècle до Вознесенского: в 2 т. М.: Новое лит. обозрение, 2021. Т. 1. 546 с.; Т. 2. 584 с. (Сер.: Гуманитарное наследие.)
5. Буторов А. В. Поэт, «подобный солнцу» // Коринфский А. А. Народная Русь: Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа / сост. А. В. Буторов. М.: АСТ: Астрель, 2011. С. 5–32.
6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / предисл. А. М. Бабкина. 7-е изд. М.: Рус. яз., 1978. Т. 1: А — З. 699 с.
7. Дмитриев С. С. Очерки истории русской культуры начала XX века: кн. для учителя. М.: Просвещение, 1985. 256 с.
8. Есаулов И. А. Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. ун-та, 1995. 287 с.
9. Муромцева-Бунина В. Н. Жизнь Бунина. 1870–1906. Париж: [б. и.], 1958. 171 с.
10. Полонский В. В. Между традицией и модернизмом. Русская литература рубежа XIX–XX веков: история, поэтика, контекст. М.: ИМЛИ РАН, 2011. 472 с. EDN: QWISMX
11. Рафалюк О. Е. Образ смерти в сознании русской культурной элиты на рубеже XIX–XX веков // Историческая психология и социология истории. 2012. Т. 5. № 2. С. 38–59 [Электронный ресурс]. URL: https://www.socionauki.ru/journal/files/ipisi/2012_2/038-059.pdf (19.06.2026). EDN: PUHWYL
12. Самоделова Е. А. Сказка в творчестве Сергея Есенина // Российский научный журнал. 2022. Т. 65. С. 121–134 [Электронный ресурс]. URL: https://rnjournal.narod.ru/65.pdf (19.06.2026). EDN: PSXQKT
13. Сапожков С. В. Поэзия 1880–1890-х годов под «перекрестным огнем» народнической и символистской критики // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2020. № 2 (67). С. 91–103 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_43328636_26220986.pdf (19.06.2026). DOI: 10.37724/RSU.2020.67.2.010. EDN: KRYNIV
14. Тахо-Годи Е. А. «Святая Русь» в поэме А. Блока «Двенадцать»: художественный и литературно-философский контекст // Русская литература. 2018. № 2. С. 33–40 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_35104446_85552651.pdf (19.06.2026). EDN: RSXTXZ
15. Федотов О. И. Посредник между Богом и народом (о сонете Валерия Брюсова «Моисей») // Через тернии к звездам: литературный ландшафт третьего тысячелетия: мат-лы Девятых Междунар. науч. чтений (Калуга, 25–26 октября 2024 г.). Калуга: Калужский гос. ун-т им. К. Э. Циолковского, 2024. С. 251–261 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_75131448_73396279.pdf (19.06.2026). EDN: LUMLFD
16. Якубович П. Ф. Очерки русской поэзии. Пушкин. Некрасов. Фет. Тютчев. Надсон. Современные миниатюры. О старом и новом настроении / Л. Мельшин (П. Ф. Гриневич) (псевд.). СПб.: Изд. ред. журн. «Русское богатство», 1904. 406 с.

17. Kalifa D. The Belle Époque: A Cultural History, Paris and Beyond / transl. by Susan Emanuel; postscript by Venita Datta. New York: Columbia University Press, 2021. 264 p. (Ser.: European Perspectives: A Series in Social Thought and Cultural Criticism.)
18. Schorske C. Fin-de-Siècle Vienna: Politics and Culture. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. 408 p.

References

1. Abasheva D. V. The Motif of the Mountain in the Works of Marina Tsvetaeva. In: *Gory i landshaft Zemli v khudozhestvennoy kartine mira* [*Mountainsand the Earth's Landscape in the Artistic Picture of the World*]. Moscow, Zertsalo-M Publ., Moscow City University Publ., 2026, pp. 172–179. Availableat: https://elibrary.ru/download/elibrary_91597300_37712685.pdf (accessed on June 19, 2026). EDN: PVWDKR (In Russ.)
2. Anichkov E. V. *Vesennyaya obryadovaya pesnya na Zapade i u slavyan*: *v 2 chastyakh* [*Spring Ritual Song in the West and Among the Slavs*: *in 2 Parts*]. St. Petersburg, Tipografiya Imperatorskoy Akademii Nauk Publ., 1903–1905. (In Russ.)
3. Bal'mont K. D. *Izbrannoe* [*Favourites*]. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1989. 591 p. (In Russ.)
4. Blok A. A. The Poetry of Incantations and Spells. In: *Istoriya russkoy literatury* [*History of Russian Literature*]. Moscow, Tovarishchestvo I. D. Sytina i tovarishchestvo "Mir" Publ., 1908, vol. 1, issue 1, pp. 81–106. (In Russ.)
5. Bogomolov N. A. *Razyskaniya v oblasti russkoy literatury XX veka. Ot fin de siècle do Voznesenskogo*: *v 2 tomakh* [*Researches in the Field of Russian Literature of the 20th Century. From fin de siècle to Voznesensky*: *in 2 Vols*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2021, vol. 1. 546 p., vol. 2. 584 p. (Ser.: Humanitarian Legacy.) (In Russ.)
6. Dal V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka*: *v 4 tomakh* [*The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language*: *in 4 Vols*]. 7th ed. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1978, vol. 1: A — Z. 699 p. (In Russ.)
7. Dmitriev S. S. *Ocherki istorii russkoy kul'tury nachala XX veka*: *kniga dlya uchitelya* [*Essays on the History of Russian Culture in the Early 20th Century*: *A Book for Teacher*]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1985. 256 p. (In Russ.)
8. Esaulov I. A. *Kategoriya sobornosti v russkoy literature* [*The Category of Sobornost in Russian Literature*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk University Publ., 1995. 287 p. (In Russ.)
9. Muromtseva-Bunina V. N. *Zhizn' Bunina. 1870–1906* [*Bunin's Life. 1870–1906*]. Paris, 1958. 171 p. (In Russ.)
10. Polonskiy V. V. *Mezhdu traditsiey i modernizmom. Russkaya literatura rubezha XIX–XX vekov*: *istoriya, poetika, kontekst* [*Between Tradition and Modernism. Russian Literature at the Turn of the 20th Century*: *History, Poetics, Context*]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2011. 472 p. EDN: QWISMX (In Russ.)

11. Rafalyuk O. E. The Image of Death as Perceived by the Russian Cultural Elite at the Turn of the 20th Century. In: *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii* [*Historical Psychology and Sociology*], 2012, vol. 5, no. 2, pp. 38–59. Available at: https://www.socionauki.ru/journal/files/ipisi/2012_2/038-059.pdf (accessed on June 19, 2026). EDN: PUHWYL (In Russ.)
12. Samodelova E. A. The Fairytale in the Creation of Sergey Esenin. In: *Rossiyskiy nauchnyy zhurnal* [*Russian Scientific Journal*], 2022, vol. 65, pp. 121–134. Available at: https://rnjournal.narod.ru/65.pdf (accessed on June 19, 2026). EDN: PSXQKT (In Russ.)
13. Sapozhkov S. V. Poetry of the 1880s — 1890s Through the Prism of the Narodnik and Symbolist Criticism. In: *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S. A. Esenina* [*The Bulletin of the Ryazan State University Named for S. Yesenin*], 2020, no. 2 (67), pp. 91–103. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_43328636_26220986.pdf (accessed on June 19, 2026). DOI: 10.37724/RSU.2020.67.2.010. EDN: KRYNIV (In Russ.)
14. Takho-Godi E. A. "Holy Rus'" in Alexander Blok's Poem "The Twelve": Artistic and Literary-Philosophical Context. In: *Russkaya literatura* [*Russian Literature*], 2018, no. 2, pp. 33–40. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_35104446_85552651.pdf (accessed on June 19, 2026). EDN: RSXTXZ (In Russ.)
15. Fedotov O. I. Mediator Between God and the People (About Valery Bryusov's Sonnet "Moses"). In: *Cherez ternii k zvyozdam*: *literaturnyy landshaft tret'ego tysyacheletiya: materialy Devyatykh Mezhdunarodnykh nauchnykh chteniy (Kaluga, 25–26 oktyabrya 2024 goda)* [*Through Thorns to the Stars*: *The Literary Landscape of the Third Millennium*: *Proceedings of the Ninth International Scientific Readings (Kaluga, October 25–26, 2024)*]. Kaluga, Kaluga State University Named After K. E. Tsiolkovski Publ., 2024, pp. 251–261. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_75131448_73396279.pdf (accessed on June 19, 2026). EDN: LUMLFD (In Russ.)
16. Yakubovich P. F. *Ocherki russkoy poezii. Pushkin. Nekrasov. Fet. Tyutchev. Nadson. Sovremennye miniatyury. O starom i novom nastroenii* [*Essays on Russian Poetry. Pushkin. Nekrasov. Fet. Tyutchev. Nadson. Modern Miniatures. About Old and New Moods*]. St. Petersburg, Redaktsiya zhurnala "Russkoe bogatstvo" Publ., 1904. 406 p. (In Russ.)
17. Kalifa D. *The Belle Époque*: *A Cultural History, Paris and Beyond*. New York, Columbia University Press Publ., 2021. 264 p. (Ser.: European Perspectives: A Series in Social Thought and Cultural Criticism.) (In English)
18. Schorske C. *Fin-de-Siècle Vienna*: *Politics and Culture*. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 1981. 408 p. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Захаркин Александр Владимирович, старший лаборант кафедры русской классической литературы Института филологии, Московский педагогический государственный университет (ул. Малая Пироговская, 1/1, г. Москва, Российская Федерация, 119435); ORCID: https://orcid.org/0009-0004-7424-1066; e-mail: zaharkin2000@inbox.ru.

Aleksandr V. Zakharkin, Senior Laboratory Assistant at the Department of Russian Classical Literature of the Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University (ul. Malaya Pirogovskaya 1/1, Moscow, 119435, Russian Federation); ORCID: https://orcid.org/0009-0004-7424-1066; e-mail: zaharkin2000@inbox.ru.

Поступила в редакцию / Received 22.06.2026
Поступила после рецензирования и доработки / Revised 24.08.2026
Принята к публикации / Accepted 07.09.2026
Дата публикации / Date of publication 18.11.2026